

МЕЛЬНИЧЕНКО Е. К. — в ПКК

МЕЛЬНИЧЕНКО Иоанн Исидорович, родился в 1888. Получил среднее духовное образование, священник. Женат на Елене Константиновне Мельниченко, в семье — пятеро детей. Проживал с семьей в местечке Малые Шпиковские Садки Винницкой области, служил в местной церкви. В ночь с 5 на 6 сентября 1935 — арестован, 14 декабря приговорен к 7 годам ИТЛ и 3 годам поражения в правах; отправлен в Бурминское отделение Карлага.

МЕЛЬНИЧЕНКО Елена Константиновна, родилась в 1890. Получила среднее образование. Вышла замуж за священника Ивана Исидоровича Мельниченко, в семье — пятеро детей. Проживала с семьей в местечке Малые Шпиковские Садки Винницкой области, занималась домашней работой и воспитанием детей. После ареста и осуждения мужа изгнана с детьми из дома, скиталась по чужим квартирам, нищенствовала. 5 сентября 1936 — приговорена к высылке (паспорт отобран), в десятидневный срок должна была выехать из города. Выехала в Умань, оставив детей в Шпикове. В начале декабря 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой¹.

<1 декабря 1936>

«Шефу политзаключенных
тов<арищу> Пешковой

М<алые> Шпикова-Садки
Винницкой области Елены
Константиновны Мельниченко

Жалоба

Изливаю перед Вами, Милостивая Мать, искреннюю правду и свое неопишанное горе. Мой муж, священник Иван Исидорович Мельниченко, с 1930 года служил в Шпиковских Садках священником и с первых дней своей службы в упомянутом приходе подвергся принципиальным нападкам местного сельсовета. Пред<седатель> сельсовета Кушниренко неоднократно вызывал мужа в сельсовет и с грубой руганью заставлял брать облигацию на непосильную нам сумму. Кушниренко прислал на ночлег к нам неизвестного человека, который ночью чуть нас не убил, если бы мальчик окном не выбежал на улицу и призвал соседей на помощь. Пред<седатель> сельсовета Шевчук усилил вызовы мужа по поводу облигаций, да еще требовал им же вымышленных 700 р<ублей> самообложения, на счет которых вызвал мужа из церкви со службы в страстную пятницу пред выносом плащаницы, требуя немедленно внести 799 р<ублей >; дерзко ругаясь, угрожал мужу живьем снять кожу. Шевчук не принимал во внимание, что фининспектор наложи самообложение по ставке доходности 82 р<убля>. Наконец стал пред<седатель> сельсовета Гуцол, он более сильно взялся за мужа: обложил в 200 р<ублей> облигацией, наложил 84 кил<ограмм> мяса, в то время священники, не имеющие сельхозяйства, мясом не облагались. В 1934 г<оду> гнал нас из квартиры в квартиру, так что за 2 мес<яца> в конце декабря мы остановились на 4-й квартире; все это с целью выжить мужа из прихода. Муж купил в усадьбе Покиньючереды дерево ясень на дрова, Гуцол публично обозвал мужа вором, обвиняя его в краже какого-то вымышленного дерева граба, взяв себе ложного свидетеля Ружила,

¹ Исправлены некоторые ошибки и поставлены знаки препинания.

подсудного за растрату 9 тысяч кооперативных денег. Ружило на суде грязнил мужа, но суд, видя ложное обвинение, в краже дров не признал мужа виновным, и лишь по особому распоряжению произведено расследование, и дело прекращено. В страстной четверг Гуцол, с целью сорвать традиционную службу в церкви, арестовал мужа и отправил в местную милицию, где инспектор Сурис продержал до вечера. Подобные аресты повторялись очень часто, даже и меня с мужем Гуцол в местечке арестовал и препроводил в милицию. Здесь нас продержали от 2 час^{ов} дня до 2 ч^{асов} ночи, много пришлось наслушаться насмешек и издевательств со стороны Суриса и других, и в заключение протокол милиции, что при обыске ничего не обнаружено. Гуцол собирал собрания рабочих завода и местных колхозов для постановления высылки мужу, везде и всюду выкрикивал: "Або я из сельрады, або Мельченко из Шпикова!" Наконец, Гуцол усладил свои страсти: 5/9-35 г^{ода} ночью явились в квартиру с начальником милиции и по мандату НКВД объявили мужу арест и обыск в квартире. При обыске ничего не найдено, но муж арестован и отправлен в Обл^{астную} Винницкую тюрьму. В теперешнем аресте Гуцолу усердно помогал пред^{седатель} райисполкома Ламан. Ламан незадолго до ареста мужа уполномоченным религиозной общины К. Борденюк и Е. Ильчак, явившимся к нему с ходатайством об открытии церкви, сказал: "Церкви вам не открою, и попа посажу, пускай скорее, лодырь, выматывается, пока еще не поздно". Изнемогая под тяжким бичом властей, муж душевно измучен и истерзан, вольно выразил свое недовольство в присутствии досланных Гуцолом гр^{аждан} Голынского и Покинсереды, с которыми иной раз читал газеты и, разбирая некоторые из статей, ввиду обмена мнений, рассуждал в антисоветском направлении. И в результате муж арестован, находится в тяжелом состоянии здоровья <...>² под сильным закрикиванием и разного рода угрозами следователя Гутмана — "правильно давать ответы следователю" — в полном без сознании и в психическом состоянии назвал себя контрреволюционером. Правда, он чистосердечно признался, как в процессе следствия, так и на суде о своих беседах с Голынским и Покинсередой, но от этого признания получилось, что он агитатор, что и свидетелями не доказано. Не скрывал он ничего, агитационного ничего не проявлял, на суде он принес искреннее раскаяние за свои беседы пред Сов^{етской} властью и просил возможности взяться за реальный труд, дающий пользу своей отчизне. 14/12-35 г^{ода} он осужден Вин^{ницкой} спеколлегией суда на 7 лет дальнего табора и 3 поражения в правах, что гибельно для него, больного, а гибельнее для меня с 5 душами малолетних детей, не имея решительно никаких средств для жизни. Мое положение, как матери, самое тяжелое: я больна туберкулезом <...>³, с арестом мужа нервно психическим состоянием, что может свидетельствовать любой врач. Прошлую зиму жила я в чужой квартире, хозяйства и имущества никакого нет, я больна, дети голы, босы, голодны, не школу с утра ждали, а нищенствовать по миру с протянутой ручкой, в квартире снег на стенах стоял, дети простуживались в поисках пропитания. Гуцол, невзирая на мое гибельное положение, продолжал издеваться, требовал у меня 19 кил^{ограмма} мяса, недоплаченного мужем ввиду его ареста. Такие отношения местных властей к моему мужу и ко всей семье священника — есть гонение и террор, близко похожий на Нероновскую инквизицию первых времен христианства... Если такой закон существует в Великой Советской России, чтобы местные власти оппортунистически дискредитировали сов^{етский}

² Перечислены его тяжелые болезни.

³ Далее перечислены ее тяжелые болезни.

закон и вооружали людей против Сов<етской> власти, и тем целые семьи подвергали губительному положению, я пред таким законом обязана склонить голову, но, если такого закона не существует, так зачем же местные власти допускают? И искажают закон "свобода религии". Если бы мой муж не священник, его бы, я уверена, так не судили, дали бы что-нибудь или же совсем ничего. Кассация подтвердила, защитник не допросил осужденного — кассировал дело, а юр<идическая> консультация взяла 50 руб<лей>, которые дети по миру собрали. Дорогая Мать! Покровительница заключенных! Присмотритесь к моему делу, что местные власти принципиально вооружают против Сов<етской> власти, и тем целые семьи подвергают губительному положению. Я не нахожу справедливой защиты, отчаиваюсь неоднократно в своем несчастном положении, я больна, средств к жизни нет, дети голы, голодны, лишены школы и науки, и неоднократно решались мы выйти на Красную площадь и продемонстрировать свою смерть. Не тяжкий преступник наш кормилец, но тяжкое ему и нам наказание. Просила милости, сожаления и помилования осужденному мужу от данного наказания у Киевских Верховных властей, но у меня они потребовали копии суда и кассации, мое социальное и материальное свидетельство, характеристику осужденного с места заключения, и куда отправлен осужденный отбывать свое наказание. Я по принадлежности просила требуемых документов, но таковые, мне ответили, выдаются лишь по требованию учреждением, а на руки мне не дают, и требуемые документы стоят преградой и тормозом невинно осужденному мужу и погибающей семье. Муж осужден первый раз, ему 48 л<ет>. Нищенское мое положение весь Шпиков может подтвердить. Летом дети пасли скот у людей, и это составляло наше существование. Ровно через год, т<о> е<сть> 5/9-36 тем же начальником милиции отобран у меня паспорт и заменен путевкой — в 10<-ти> дневный срок приказано уехать за 100 вер<стовую> полосу. Просила я начальника милиции разрешить врачу дать мне справку о моем здоровье, чтобы просить Обл<астной> Винницкий паспортный отдел восстановить меня в правах своего паспорта, начальник мне отказал разрешить врачу дать мне справку о моей болезни. На мой вопрос начальнику — за что мне такая горемычная участь, ведь я живу в Шпикове ниже травы и тише воды. Он мне ответил, что я не имею права голоса, как жена священника, и муж мой осужден. 15/9-36 г<ода> я оставила 5 душ детей, сирот живых родителей, в Шпикове на произвол судьбы. Голых, босых, голодных, холодных, без квартиры на зиму, по людям скитаться, а то и под заборами ночуют, и со слезами глядят на других детей, имеющих возможность ходить в школу и учиться. А сама я ушла в г<ород> Умань Киевской обл<асти> в рваных балетках, раздета, без теплой одежды, и скитаюсь по под<валам> домов и на улицах с протянутой рукой. Ибо средств на квартиру нет и заработать по болезни не в силах, а уже глухая осень, дожди, холод и голод, для меня, несчастной, без крова на улице жить невозможно, хороший хозяин и собаку на ночь укроет от холода, а я человек, не имею уголка, где голову приклонить, — врозь с мужем и малютками детьми. Я мучаюсь физически, телесно и морально, душевно страдаю, как мать 5 душ детей, малых, не обеспеченных, и больного мужа в дальнем лагере. Уж более года, как невинная семья невыразимо страдает, и за это время у многих вождей Сов<етской> власти просила я и дети милости и пощады, но никто не умилосердился над погибающей семьей священника, скорее можно железную стену лбом пробить, чем священнической семье достигнуть помилования своему осужденному кормильцу. Как мне не жаль семьи, но безвыходное положение заставляет меня сделать крайность, — принять стрихнин. Я рыдала, сидя под

забором, и мне их проходящих людей посоветовали и подали надежду на жизнь — обратиться к Вам! К Вам! Дорогая Мать! Меня уверили, и я в полной уверенности и надежде, что Вы станете, станете якорем спасения моему невинно осужденному мужу. Исходатайствуйте ему помилование от данного наказания. Муж мой находится в Караганде, Бурминском отделении Карлага НКВД. И своим содействием спасете погибающую семью. Я слезно, громким воплем взываю к Вам, Милостивая Мать! Не откажите мне в помощи — вызволить от заключения моего мужа, а также помогите и мне восстановиться в правах своего паспорта с правом жительства.

Е. Мельниченко.

1/XII 1936 г<ода>⁴.

В середине декабря 1936 — Елена Константиновна Мельниченко, потеряв одного ребенка, выехала с четырьмя детьми в Караганду, затем переехала на станцию Дарья Карагандинской области, работала в столовой посудомойкой. В конце декабря 1937 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«28/XII-36 г<ода>

Шефу политзаключенных
Екатерине Павловне товарищ Пешковой.

Заявление

В ответ на Ваше отношение, спешу представить требуемую у меня подробность моего положения. Мой муж, Иван Исидорович Мельниченко, бывший священник Садок-Шпикивских Винницкой области, арестован 5/9-1935 г<ода> и осужден 14/12-1935 г<ода> по статье 58 п<ункт> 10, на 7 лет дальнего табора и 3 года поражений в правах. Отбывает он меру наказания в Казахстане Карагандинской области в Бурминском отделении Карлаг<a> НКВД. Я же осталась совершенно без средств для жизни, с 4 детьми, от 15 лет до 6 лет возраста. Болею я туберкулезом легких <...>⁵. При муже мы кое-как жили, ибо мы люди крайне бедные, многосемейные. Лишившись мужа-кормильца, дети нищенствовали по приходу с протянутой рукой, а летом пасли скот по колхозникам.

5/9-36 г<ода> у меня начальник милиции отобрал паспорт и объявил мне высылку на основании того, что я жена священника и не пользуюсь правом голоса. Я безропотно этому подчинилась, забрала своих несчастных крошек-детей и при помощи прихожан собрала средства на билеты и уехала в Казахстан Карагандинской обл<асти>, на ст<анцию> Дарью К<азахстанской> ж<елезной> д<ороги>. По пути я имела большое счастье быть на приеме у Вас, Высокочтимая и Милостивая Мать! — 5/12-36 г<ода> и удостоилась получить помощь лично из Вашей Щедрой руки 30 руб<лей> денег. На приеме я подробно рассказывала Вашему секретарю свое гибельное положение и просила Вашей помощи и содействия, перевести мужа моего на спец<иальный> поселок. В Караганде я скиталась с детьми 4 дня и не найдя работы, по своему здоровью уехала в Дарью. Сутки тут чуть не погибли от мороза и голода, пока я не узнала, где и как устроиться. Поместили меня в недостроенной железнодорожной кипятилке, где совместно с нами живут две семьи с

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1501. С. 47-51. Автограф.

⁵ Далее перечисляется ряд серьезных болезней.

детьми татар и нас 14 человек; давимся в уголке холодной, без света кипяtilке. Я же еле-еле упросилась <на работу> в столовой судомойкой и исполнителем грязных работ, за ничтожную цену, которую мне еще не объявили.

Всему моему устройству мешает, что я жена священника, а особенно моя болезнь. Я больна, из сил совершенно выбилась, дети пагубно голодают и с плачем ходят под хлебные ларьки с протянутой рукой, почти раздеты и босы. Поверьте мне, Милостивая Мать! — что пишу свое положение без всякой прикраски. Мое положение и в Дарье видят люди авторитетные: зав<едующий> столовой, зав<едующий> школой, комендант, начальник железной дороги и много других людей. Прошу, Наша Покровительница, мне верить, ибо я еще не так горько описываю свое положение, каково оно на самом деле есть. В Вашем отношении требуется мое врачебное свидетельство, которого я не в силах достать, ибо оно выдается комиссией, которой в Дарье не бывает; могу лишь представить кучу рецептов от врачей, по которым я весь век лечилась. Дети уже два года лишены школы и возрастом уже перерастают свои классы, да и забывают то, что учили. По всему вышеизложенному прошу Вас, Милостивейшая наша Мать и Покровительница! — не оставьте моего гибельного положения без внимания, окажите нам свою помощь — помогите моему мужу быть переведенным на спецпоселок. Не сочтите за назойливость и, если возможно перевести мужа на спецпоселок, то я бы просила в Алма-<А>тинскую обл<асть>, где климат теплый, ввиду того, что все, также и муж без теплой одежды и обуви, и главное — мое здоровье и здоровье мужа не подлжит Караганд<ин>скому климату. Муж мой тоже болеет почками, суставным ревматизмом, плевритом в правом боку и бронхитом легких, от чего числится в Карлаге по 3-й категории здоровья. Но, если невозможно перевести в Алма-<А>тинскую обл<асть>, то хотя бы в Караганд<ин>скую обл<асть>, лишь бы не пасть жертвой злоческой смерти от голода в караганд<ин>ских степях невинным детям из-за отца. Милостивая Мать! Мы крайне погибаем и с минуты на минуту с нетерпением ждем Щедрой Вашей Милости! О сем, покорнейше упавши к Вашей милости, в слезах просят от имени детей мужа и себя Елена Константиновна Мельниченко, 46 лет, дети: Клавдия Ивановна Мельниченко 15 лет, Константин Мельниченко 13 лет, Федя Мельниченко 10 лет, Оля Мельниченко 7 лет.

Мой адрес: Казахстан, ст<анция> Дарья <Карагандинской области>, К<азахстанское> ж<елезно>-д<орожное> стр<оительство>, до востребования Елене Константиновне Мельниченко. №10.

Прилагаю удостоверение сельсовета, копию, и рецепты, как свидетельство о моей болезни»⁶.

В начале февраля 1937 — Елена Константиновна Мельниченко вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<3 февраля 1937>

«Помощь политзаключенным
Екатерине Павловне Товарищ Пешковой.

Дорогая и Милостивая Наша Покровительница и Щедрая Мать! Я получила Вашу Щедрую Милость — 50 руб<лей>, отправленных Вами 13/1 -37 г<ода> за № 13610. Такая нежданная милость стала нам большой поддержкой для моей несчастной семьи, из которой 11 лет мальчик лежит

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1623. С. 54-55. Автограф.

с воспалением легких уже 2 недели. От радости мы все плакали, и дети в слезах изливали свою благодарность Нашей Высокочтимой Покровительнице в Вашем лице. Я искренно приношу премногую благодарность, не нахожу слов выразить ее, но Вам известно из предыдущих заявлений наше гибельное положение, и можете себе представить, какой радостью оказалась нам Ваша Милость и сколько принесено Вам благодарности за оную. Прошу, не оставляйте нас своей милости в настоящее зимнее тяжелое время. Не хочу стать назойливой пред Вами, но прошу, не откажите стать в помощи моему мужу в ходатайстве о помиловании, посланное в ЦИК, посылаю муж чрез Ваше Имя, но его Карлаговское У<правление> Р<абочей> Ч<астью> не согласилось адресовать чрез Ваше Имя. И это видно станет преградой моему мужу в помиловании. Его начальство Карлаговское дало блестящую справку о поведении и его культ<урно>-просветительной и трудовой работе. Прошу Вашей Милости, не откажите мне сообщить, можете ли Вы оказать содействие нам, если будут посланы ходатайства о переводе в т<рудовой> поселок мужа непосредственно, как это ведется в Карлаге, на имя НКВД. Или не откажите посодействовать в Карлаговском начальстве о беспрепятственности разрешить мужу просить помилования или перевода в т<рудовой> поселок. Мое положение не улучшается, а еще ухудшается, ибо я пала силами, и легкие мои не дают нигде устроиться на хотя бы маленькую работу. О помиловании муж писал в декабре — 1936 года.

О вышеизложенном просит и покорнейше благодарит
Елена Мельниченко.

Мой адрес: Казахстан, станция Дарья Карагандинской обл<асти> К<азахстанское> ж<елезно>-д<орожное> стр<оительство>, до востребования. Елене Константиновне Мельниченко.

3/II-37 г<ода>⁷.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1623. С. 56. Автограф.